

Мурадов Алексей

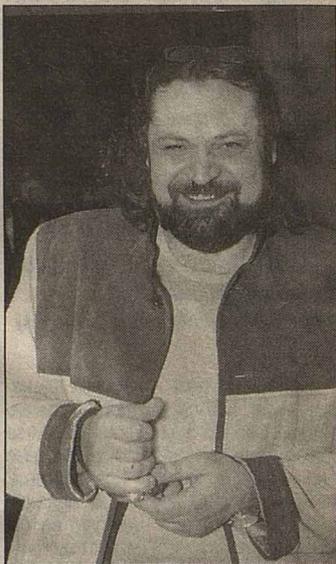
15.06.05

АЛЕКСЕЙ МУРАДОВ:

На войне мы все перестаем быть людьми...

Культура. — 2005. — 9-15 июня. — С. 4

Накануне Дня Победы на канале НТВ состоялся премьерный показ многосерийного фильма "Человек войны". Стоит оценить известную смелость как весьма авторитетного производителя, кинокомпании "Централ Партнершип", так и канала-вещателя, доверивших осмыслению военной темы яркому представителю авторской режиссуры, ученику Алексея Германа и Светланы Кармалиты Алексею МУРАДОВУ (дебютировавшему "Змеям"; снискавшим массу фестивальных наград, а также автору "Правды о щелпах"). Оценили эту смелость по-разному, хотя автору интервью именно "Человек войны" представляется наиболее интересным и именно авторским проектом среди потока разнообразных юбилейных картин к 60-летию Победы. Каково самочувствие постановщика, решившегося не только освоить мощности "большого кино", но и справиться с требованиями телевизионной рейтинговой политики?

А. Мурадов

— Итак, мы имеем дело с практикой сейчас уже нередкой: продюсерское кино "под ключ". В общих чертах проект разрабатывается продюсерами, режиссер приглашается после. Почему именно вы?

— Не знаю, хотя... У меня есть своя режиссерская мечта, вернее, это один из многих моих замыслов, но очень важный для меня... Свообразный военный триптих: Гражданская война, Великая Отечественная и одна из последних войн, Афганистан, например. Страна воюет внутри себя, страна защищает себя, и, наконец, страна выступает как нападающая сторона в военном конфликте. По всей видимости, это обстоятельство и определило выбор ЦПШ.

— Насколько я понимаю, вы начали контролировать процесс создания фильма, приехав на места съемок, в Белоруссию.

— С нами работала очень профессиональная компания "Белл-партнер". Весь второй производственный состав, технические специалисты, многие актеры, массовка — все отсюда, в Белоруссии.

— У вас очень "населенная" лента...

— Массовки и эпизодников в общей сложности было около 2 тысяч человек, полноценных ролей — более сорока. В общем, надо отдать должное нашим белорусским партнерам: по большому счету, нет ничего такого, что бы они нам не смогли предоставить. Немецкую форму мы шили в Минске, одежда "гражданского населения" шла из подбора. А арсенал — танки, пушки, оружие и так далее все оказалось на месте.

ное варево, а в нем уже и не понять, кто или что чем раньше было, — вот, на мой взгляд, образ войны. Не именно этой, Великой Отечественной, а вообще войны. На войне мы все перестаем быть людьми, мы становимся функциями.

— "Вестернизация" Великой Отечественной средствами кинематографа — процесс закономерный. Но многие сейчас считают кино о разведке и разведчиках конъюнктурной, а потому опасной темой — это все-таки не только приключения, "чистый" жанр. Было ли это обстоятельство учтено вами в работе, стало ли оно для вас проблемой?

— Только в самое последнее время. Когда мы делали наш фильм, то ощущали себя достаточно свободно, хотели сказать правду о войне... Не ту правду, которую мы ЗНАЕМ, но то, как мы ОЩУЩАЕМ эту правду. Казалось, что многое уже сейчас известно, понятно, открыто. Стало известно, насколько неоднородным было партизанское движение, например... И не только. Оказалось, что знание — это одно. Люди не привыкли ВИДЕТЬ настоящих разведчиков, слишком многое у нас вычищалось, было приглагожено, отлакировано. А профессия эта между тем особая: она — в первую очередь — предполагает "добывание" результата, причем любыми средствами. И это не красивые слова, это реальность.

— Есть ли нечто такое, что сейчас не может быть показано в фильме по ТВ — уровень жестокости, шоковые эпизоды?

— Жестокость, шок — это всего лишь инструменты в руках режиссера. Посмотрите на голливудские фильмы, которые показывают на телевидении в прайм-тайм.

— В вашем случае мы имеем дело с куда более тонкой материей: историческая память народа, этические ограничения, накладывавшиеся на эстетические каноны десятилетиями.

— И вот здесь я не могу не сказать о том, что меня поразило. Я преклоняюсь перед подвигом наших ветеранов, считаю святым День Победы. Но выросло иное поколение, которое, казалось бы, на новом этапе будет способно осмыслить этот подвиг. Да, можно не знать определенных фактов (хотя подчас степень исторической безграмотности воистину потрясающая, но не суть), но мало кто сейчас понимает, какой психологический и даже физиологический опыт — пребывание на реальной войне. Там происходят вещи страшные, недаром существует вьетнамский, афганский, а теперь и чеченский синдром... Но

люди действительно вспоминают войну как лучшие годы своей жизни. Там были эпизоды величайшего милосердия, величайшего самопожертвования, великой любви, дружбы... И — одновременно столь же впечатляющие примеры трусости, предательства, шапкозакидательства... Почему я так хотел бы сделать фильм о войне? Потому что это тема, в которой есть все. Война захватывает человека, полностью подчиняя его своей реальности, теперь я это знаю точно. В нашей стране сейчас идет чеченская война, локальный конфликт, да, но это — война. Для кого, кроме тех, кто лично связан с этой войной, понятно, что мы все — участники военного конфликта? Но, увы, это не объяснить тому, кто не побывал там, на войне... Не хочу обижаться на зрителей, на собственно телевидение и продюсеров. Хотя лично мне та форма показа, что была избрана, представляется губительной: предпочел бы и другое время, пусть и за полночь; куда лучше было бы показать фильм единым куском, большим объемом, не раздробленным рекламными вставками, а прайм-тайм предполагает огромное их количество. Но мне показалось, что общество, вернее, то, что можно назвать его частью, та самая "телевизионная аудитория", мое видение войны не очень-то и хочет понять, не хочет разобраться...

— Не было ли искушения прибегнуть к более давнему замыслу, заветного фильма?

— Работать вплотную, потратить девять месяцев своей жизни на такое времяпрепровождение?.. В чем еще был мой интерес в этом проекте: я до "Человека войны" как снимать войну, кинематографическую войну, не знал, не знал... вот что такое фурики, например... Теперь точно уверен: я все это знаю, я могу это снимать.

— Вы известны своей принципиальностью на съемочной площадке, тем, что на предыдущих картинах стремились контролировать результат в той степени, в которой сами это считали необходимым...

— Был поставлен в те же условия, что и любой другой режиссер, работающий на подобном проекте. Более того, мы сделали двенадцать серий за время, отведенное на съемки восьмью.

— Продюсеры не настаивали на практике тест-просмотров, сейчас это активно практикуется...

— Вы знаете, продюсеры — нет. У меня самого, у группы возникло желание сделать тест на определенном этапе работы. Мы отсняли огромное количество материала, поняли, что это — уже фильм, и огромный, что на

русская классика — да, для немцев тоже. А в советском театре многое было запрещено, да и просто не ставилось, не ко времени было.

— Поэтому неслучаен и ваш выбор: в "Человеке войны" на театре ставят "Братьев Карамазовых"? Мне показалось, что герои фильма пытаются не просто высказаться о бесах Достоевского (вы намеренно акцентируете сцену встречи Ивана с чертом, не так ли?), но и о бесах внутри врага, и — внутри себя.

— Для того чтобы оценить этот мой выбор, вероятно, вам надо бы посмотреть фильм еще раз; может быть, вы заметили, что в поставленном спектакле осуществлена компиляция текста, заметная, очень важная для замысла...

— Можно ли ожидать выхода "Человека войны" на видео, DVD?

— Сознательно отпустил от себя эту тему. Мое дело — снять, дело продюсеров — распорядиться тем, что получилось. Слишком много хотелось бы успеть, предложений — масса.

— Что в ближайших планах?

— Очень хотелось бы отодвинуть все кинопроекты на месяц-полтора и поставить в Театре.doc одну пьесу.

— О чем же она?

— Пьеса — об актерах, автор ее Андрей Мигачев, соавтор сценария "Человека войны". Больше пока ничего не скажу. Ни о пьесе, ни о кинопроектах. Надо подумать.

— Однако сайт компании "Централ Партнершип" анонсирует ваш новый, совместный с ЦПШ проект, это же не секрет?

— Не секрет и то, что речь шла об экранизации "Героя нашего времени". Но сейчас я очень сильно сомневаюсь, насколько это реально. Дело не во мне, у меня в голове этот фильм живет давно, мы, собственно, с того и начали наше сотрудничество с ЦПШ. Я сказал: у меня есть мой военный замысел, я хочу поставить русскую классику, "Короля Лира"... Они предложили Лермонтова. Но я не уверен, возможен ли сейчас проект "Героя нашего времени" по сугубо техническим причинам. Где снимать? Ехать в Петригорск с огромной группой, что предполагает подобный фильм, не зная, как там и что, как каждый из группы способен повести себя на Кавказе?

— Экранизация "Героя нашего времени" технически невозможна потому, что Кавказ — территория войны?

— Именно поэтому.

Беседу вела Анастасия МАШКОВА

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

до понять, как он будет жить в восприятии разных людей. Мы прямо там, в Белоруссии, посадили в просмотровый зал "просто" зрителей и профессионалов: несколько ветеранов войны и ГРУ, нескольких людей, работающих в разведке сейчас в чине майоров, подполковников. Сознательно смешали эти аудитории, и той и другой понравилось. Конечно, нам было интересно, как "просто" зрители смотрели, что потом говорили. Но был момент, меня, честно говоря, поразивший: сколь мало претензий по части правдоподобия выдвинули профессионалы. Именно это обстоятельство убедило меня в том, что фильм складывается, живет...

— А какие были замечания?

— Затвор автомата передергивается военным человеком автоматически, участник массовки, актер в роли солдата, подобным автоматизмом не владеет. Группа диверсантов должна бежать особым, отработанным шагом, даже термин у них есть какой-то свой, смешной, по-моему, "промокашка"... Я-то опасался раздражения, целого списка претензий, а они за кино благодарили.

После каждого фильма я получал некие знаки подтверждения того, что делал его так, как и должно. После "Змея" эти подтверждения были, после "Правды о щелпах" — тоже... Так вот, уже заканчивая "Человека войны", мы обнаружили в Интернете информацию: в 1979 году вблизи тех мест, где мы снимали, кажется, в Барановичах, был обнаружен немецкий склад оружия массового поражения. Мы этого не знали...

— Выходит, что каждый из нас прожил часть жизни на той войне, а закончилась она не в День Победы... Каждый взрослый мужчина, оказывается, получил оружие в руки, будет наводить его на автоматический, но в целом справляется? "Человек войны" — это каждый из нас?

— А вы знаете, например, что пик карьеры многих театральных актеров пришелся именно на годы оккупации? Это ведь поразительная вещь: если человек созрел для Гамлета, короля Лира или для Достоевского, то в тот момент, когда он готов и ему позволяют это сделать, он соглашается, он будет играть так, как не играл никогда прежде... В войну и оккупацию это было, можно сказать, массовое явление...

Когда приступал к работе, я читал подшивки газет, выходивших на оккупированных территориях. Там есть все, вся повседневная жизнь: "покупаем шерсть", "продаем картошку", "открывается лицей". Ставилась и

открытая лица. Ставилась и

открытая лица. Ставилась и

открытая лица. Ставилась и